

Социальная история науки

О. А. ВАЛЬКОВА

«УЧЕНАЯ ДАМА» В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Статья посвящена проблеме вовлечения женщин в занятия наукой в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. В ней рассматривается вопрос о том, когда в нашей стране впервые начинают появляться женщины, проявляющие интерес к научным исследованиям; изучаются формы, в которые претворялись увлечения женщин, преимущественно естественными науками; анализируется социальный состав, семейное и материальное положение женщин-любительниц наук, а также реакция общества на их научную деятельность.

Ключевые слова: женщины-ученые в России в XIX в., Е. И. Голицына, А. А. Турчанинова, Е. П. Фадеева

Знаменитый отечественный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856) в своих воспоминаниях описывает киевскую жительницу, девицу Турчанинову, с которой он был знаком в детстве:

Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхою, занималась преимущественно математическими (курсив мой. – О. В.) науками, знала латинский и греческий языки, сбиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философи ¹.

По словам Вигеля, эта дама была близко знакома с монахами Киевского Братского монастыря, бывшего в то время центром «киевской учености». Несмотря на все ее странности общество Турчаниновой нравилось подростку:

Разговоры ее были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мне про связи свои с почтенными учеными мужами, профессорами Московского университета, хвалилась любовью и покровительством старого Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой, – говорит он, и добавляет. – Первое знакомство с русскими музами сделал я в запыленном, засаленном кабинетце моей любезной Турчаниновой ².

Речь здесь идет об Анне Александровне Турчаниновой (1774–1848), имя которой хорошо известно в нашей литературе, хоть и не в связи с научной деятельностью.

¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.

² Там же. С. 107.

Турчанинова была не единственной женщиной, интересовавшейся естественными и точными науками: в первое десятилетие XIX в. в русском литературном языке появляется словосочетание «ученая дама», а на страницах журналов начинает мелькать выражение «женщина-автор». Тем не менее в отечественной историко-научной литературе встречается мнение, что женщины-ученые, женщины, активно занимавшиеся естественными и математическими науками и отдавшие им немалую часть своей жизни, появились в нашей стране не ранее начала XX в.³ В работах, посвященных истории высшего женского образования в России, а также истории деятельности первых российских женщин-врачей, можно встретить другую дату – конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в., когда было зафиксировано первое достаточно массовое посещение женщинами лекций в Петербургском, Харьковском и Киевском университетах, а также в петербургской Медико-хирургической академии⁴. В течение достаточно продолжительного времени эта вторая дата казалась нам вполне обоснованной и достоверной, казалась до тех пор, пока мы не задались вопросом: а откуда собственно в 1858–1859 гг. взялось немалое количество женщин, стремившихся к высшему образованию? Далее, обнаружив с некоторым удивлением уже в первой половине 60-х гг. XIX в. целую плеяду женщин как совсем молодых, только что вставших со школьной скамьи, так и находившихся в расцвете лет, и даже пожилых, интересовавшихся науками и принимавших активное участие в научной жизни, мы задумались о том, кто они такие и где находятся истоки их увлечения естественными науками? Назовем для примера всего несколько имен. К представительницам старшего поколения принадлежала Анна Михайловна Раевская, к более молодым – Ольга Александровна Армфельд (впоследствии Федченко), Елена Васильевна Богданова, Елизавета Карловна Фреймут (впоследствии Кандинская). Их активное участие в жизни научного сообщества, выражавшееся и в присутствии на юбилейных научных мероприятиях, и в собирании и пожертвовании музеям естественно-научных, археологических, этнографических и других коллекций, и в регулярном посещении естественно-научных музеев, и в работе научных обществ, и в переводах научной литературы, безусловно, обращавшее на себя внимание окружающих, не было между тем чем-то совершенно новым и необычным. Подобное положение вынудило нас обратиться к материалам более раннего времени. Самое поверхностное их изучение показало, что уже среди поколения матерей и даже бабушек поименованных нами героинь можно было встретить высокообразованных женщин, искренне интересовавшихся различными науками. Все это были дамы, принадлежавшие к аристократическим и дворянским семьям.

* * *

Факты свидетельствуют о том, что уже конец XVIII в. отмечен появлением россиянок, интересовавшихся точными науками и естественной историей. Так, по сведениям А. Ю. Самарина, полученным из подписных листов различ-

³ См., например: *Селезнева Е. С.* Первые женщины геофизики и метеорологи. Л., 1989. С. 5.

⁴ Об этом см.: *Тишкин Г. А.* Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // *Очерки по истории Ленинградского университета.* 1982. Т. 4. С. 15–32.

ных научных изданий, только с 1787 по 1800 гг. женщины подписались на следующие научные книги:

Название книги	Число подписчиков
<i>Войтяховский Е. Д.</i> Теоретический и практический курс чистой математики. Т. 1–3. М., 1787.	1
<i>Пиль Р.</i> Понятие о совершенном живописце. СПб., 1789.	1
<i>Лангер К. Г.</i> Полный географический лексикон. Ч. 1–3. М., 1794.	3
<i>Ертов И. Д.</i> Начертание естественных законов происхождения вселенной. Т. 1–2. СПб., 1798–1800.	1

Конечно, как мы видим, число подписчиц очень невелико. Как замечает Самарин:

Особенно плохо женщины подписывались на книги по естественным наукам и технике. Две трети изданий такого рода, имеющих печатные списки подписчиков, женщины вообще не заказывали ⁵.

Следует заметить, что гораздо большее число женщин выписывали в тот же период книги исторического (103 человека) и философско-религиозного (36 человек) содержания ⁶. Однако одними только книгами чтение образованного человека ограничиваться не могло. К сожалению, ученые и учено-литературные периодические издания не часто печатали списки подписчиков. Тем не менее мы можем отметить, что среди подписчиков периодических изданий, имеющих то или иное отношение к точным и естественным наукам и опубликовавших списки своих читателей, есть и женщины. Так, в 1780 г. 20 женщин выписывали журнал «Экономический магазин», в 1792 г. одна дама подписалась на «Санкт-Петербургские врачебные ведомости», в 1794 г. 2 женщины выписывали «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную» и, наконец, в 1799 г. 9 дам подписались на «Журнал о земледелии для Всероссийской империи» ⁷.

Приведенные выше данные весьма приблизительны. Если дама не выписывала журнал или книгу от своего имени, то это не значит, что этого не мог сделать кто-нибудь для нее, по ее просьбе. Например, среди подписчиков издававшейся в Тобольске «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной» названы две женщины: «девица Марья Ивановна Протасова» (в Орловском наместничестве) ⁸ и «стат[ского] сов[етника] Осипа Дмитриевича».

⁵ Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154.

⁶ Там же. С. 154–155.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Имена особ, кои по предъявленным в Тобольском Приказе Общественного Призрения подпискам получали сию книгу Ученая Библиотека, со означением из места пребывания // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1794. Ч. 12. С. 8.

ча Лукина дочь Анна Осиповна» (в Рязанском наместничестве) ⁹. Однако помимо них упомянут Яков Баженов – «его сиятельства господина генерал-поручика, действительного камергера и разных орд[енов] кавалера Михайла Михайловича Голицына супруги княгини Анны Александровны, урожденной баронессы Строгановой служитель» (из Пермского наместничества) ¹⁰. Выписывал ли он журнал для себя или для своей сиятельной патронессы? На этот вопрос нет ответа. Точно так же некоторые подписчицы могли действовать по поручению родственников или друзей-мужчин и совершенно не интересоваться тем, что они выписывали.

Человек, интересовавшийся наукой в последние десятилетия XVIII в., не мог ограничиваться только отечественными изданиями. Скорее наоборот: число выписываемых им зарубежных специальных сочинений должно было бы преобладать. Вполне возможно, что плохо, а иногда вообще не читающие по-русски аристократки просто не обращали внимания на русскоязычные книги и переводы, предпочитая им иностранные оригиналы. А в том, что это были именно аристократки, нет никаких сомнений. По сведениям Самарина:

Социальный состав женщин-подписчиков более аристократичен, чем подписчиков-мужчин. Среди них практически отсутствуют представительницы недворянских сословий, а значительная часть (более трети) принадлежит к титулованной аристократии и генералитету ¹¹.

Однако меньше ли было число читательниц научных изданий по сравнению с приведенными выше данными или больше, не так важно. Достаточно того, что они существовали. И хотя, конечно, их было мало, очень мало, но то что уже в последние десятилетия XVIII в. некоторые российские аристократки проявляли интерес к наукам, не подлежит сомнению. И не все они ограничивались исключительно чтением. Приведем несколько примеров.

Говоря о женщинах, интересовавшихся наукой в последние десятилетия XVIII в., никак нельзя обойти молчанием деятельность светлейшей княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810). Директор Петербургской академии наук (1783–1796), создатель и президент Российской академии (1783–1796) – она давно и с полным правом признана выдающимся организатором науки своего времени ¹². Из собственных записок княгини широко известны ее увлечения философией, музыкой, архитектурой, художественной литературой. Однако сведений о ее отношении к естественным и точным наукам (здесь мы имеем в виду личный интерес к естествознанию) почти нет, да и исследователи жизни и творчества Дашковой не обращали особого внимания на этот вопрос. Тем не менее отдельные замечания, разбросанные по страницам «Записок» княгини, позволяют предположить, что и эта сфера человеческого знания входила в круг ее интересов. Рассказывая о своем пребывании в Брюсселе во время второго заграничного путешествия

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Самарин. Читатель в России... С. 155.

¹² Подробнее об этом см.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978; Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб., 2006 и др.

(1775–1782), она, например, пишет: «Каждое утро мы отправлялись с доктором Бюртенем в окрестности города и составляли гербарий из растений, не виданных мною у нас»¹³. Во Флоренции она осматривает не только картинную галерею, церкви, библиотеки, но и «великогерцегский кабинет естественной истории». И не просто осматривает, поскольку, по ее словам,

Его королевское высочество приказал дать мне все дублеты, которые я пожелаю иметь, вследствие чего я получила много окаменелостей и не только местных, но со всего земного шара...¹⁴

Описывая собор города Пизы, Дашкова отмечает:

Любитель естественной истории заметит, что одна из маленьких колонн, поддерживающих кафедру, составлена из кусочков разных сортов порфира, соединенных между собой пастой из простого порфира¹⁵.

Во время пребывания в Вене Екатерина Романовна посещает императорский музей, причем замечает, что император Иосиф «мне предложил выбрать из его кабинета какие угодно дублеты и простился со мной, заявив, что, зная мою любовь к естественным наукам, не решается дальше отнимать у меня драгоценное время», – чем Дашкова не преминула воспользоваться. «Я выбрала кое-какие образцы минералов Венгрии и других провинций», – пишет она¹⁶. В Праге княгиня купила «очень дешево» «коллекцию окаменелостей различных пород деревьев и образцы мрамора»¹⁷. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что как сама Дашкова, так и окружающие причисляли ее к «любителям наук» и что собирание естественнонаучных коллекций несомненно было одним из ее увлечений. Правда, основываясь на материале «Записок», трудно определить глубину этого интереса, поскольку приведенные нами упоминания отрывочны. Кроме того известно, что Екатерина Романовна совершала свое путешествие с целью завершить образование сына, так что посещение естественнонаучных музеев и кабинетов могло быть частью образовательной программы, составленной ею для сына, а отнюдь не данью собственным увлечениям. Можно ли с полным правом назвать Дашкову «натуралистом», как это делает в своей работе Л. Я. Лозинская?¹⁸ Было ли ее занятие коллекционированием всего лишь данью моде? В нашем распоряжении недостаточно фактов, чтобы ответить на эти вопросы. Однако некоторые факты, подтверждающие мнение Лозинской, все-таки имеются. Так, несколько позднее, точнее в 1783 г., заняв пост директора академии, Дашкова стала инициатором чтения академиками бесплатных популярных курсов математики и естественной истории (1785–1802). Современные исследователи очень высоко оценивают их, относя к числу «крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е. Р. Дашковой в Академии наук»¹⁹. Рассказы-

¹³ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лозинская. Во главе двух академий... С. 3.

¹⁹ См.: Смагина. Сподвижница Великой Екатерины... С. 95.

вая об этом начинании, она писала: «Я часто присутствовала на лекциях». ²⁰ Также не раз и не два на страницах своих «Записок» Дашкова упоминает сады, в создании которых она принимала непосредственное участие. В ее собственном саду, распланированным ею, «каждое дерево и каждый куст были посажены» по ее выбору и на ее глазах ²¹. По просьбе брата А. Р. Воронцова она занималась планировкой и обустройством его сада и пр. ²² Помимо этого Дашкова вскользь замечает, что имела «некоторые познания в медицине» ²³. Таким образом, подводя краткий итог, можно сказать, что княгиня Е. Р. Дашкова занималась собиранием естественнонаучных коллекций, причем в создании некоторых (например, гербариев) принимала личное участие. За границей она посещала естественнонаучные музеи и кабинеты, а в России – академические лекции по математическим и естественным наукам, и, несомненно, увлекалась садоводством. Все это подразумевает, что она имела достаточно широкий кругозор в области естественных наук ²⁴.

Однако для настоящего исследования важен ответ на вопрос: типичными для своего времени или, наоборот, случайными были познания и увлечения княгини Дашковой? В своих «Записках» она как-то упоминает церемонию раздачи премий в Академической конференции:

День, назначенный для раздачи премий, был объявлен заранее в газетах, и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы ²⁵.

Было ли появление «дам» в Конференции Академии событием чрезвычайным, вполне заслуживавшим употребления частицы «даже»? Трудно сказать. Дашкова, по ее собственным словам, «не любила появляться в научных конференциях», ²⁶ так могла ли она знать о том, кто там бывал регулярно?

²⁰ Дашкова. Записки... С. 149.

²¹ Там же. С. 157, 180, 199 и др.

²² Там же. С. 179.

²³ Там же. С. 197.

²⁴ Некоторое представление о масштабах коллекторской деятельности Е. Р. Дашковой можно найти в книге С. П. Шевырева «История Императорского Московского университета». Описывая пожертвования, сделанные разными лицами университету, С. П. Шевырев пишет:

В 1807 году, в мае месяце, княгиня Екатерина Романовна Дашкова [...] принесла в дар университету кабинет Натуральной истории и других редкостей, который она собирала более 30 лет. К приращению его содействовали ей император Иосиф II, курфюрст Саксонский, король Шведский, великий герцог Тосканский и другие царственные особы. Кабинет содержал всего числом 15121 предмет: в том числе животных, натуральных и окаменелых 4806; растений сухих, плодов и проч. 765; камней и руд 7924; антиков-отпечатков 1636. Все пожертвование оценено было в 50000 рублей. Для помещения кабинета назначена была особенная зала [...] Вслед за тем княгиня Дашкова подарила вскоре университету еще 332 предмета: это были драгоценные камни, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки насекомых и значительная библиотека...

(Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755–1855. М., 1998. С. 372).

²⁵ Дашкова. Записки... С. 157.

²⁶ Там же.

Вполне возможно. К сожалению из отчетов академиков, читавших публичные лекции, нельзя понять, посещали ли их женщины: никто из них об этом не упоминает, так же как и сама княгиня ²⁷.

Тем не менее при внимательном изучении литературных источников можно встретить отрывочные и мимолетные упоминания о современницах Дашковой, так или иначе проявивших свой интерес к естественным наукам. Например, нам удалось обнаружить краткую информацию о сестрах, княжнах Анне Михайловне (впоследствии – Грессер, 1776(?)–1827) и Екатерине Михайловне (впоследствии – Кожина, 1777–1834) Волконских, дочерях бригадира, князя М. П. Волконского, опубликовавших в 1792 г. выполненный ими перевод книги «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств» ²⁸ (заметка о них появилась в 13 номере «Дамского журнала» за 1830 г. в рубрике под названием «Материалы для истории русских женщин-авторов»). К 1792 г. в русской литературе уже были известны имена нескольких переводчиц. Но никто из них раньше, кажется, не обращал внимания на научную и научно-популярную литературу. «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств» представляли собой в соответствии с современной терминологией «книгу для чтения» или, можно сказать, хрестоматию, содержащую отрывки из сочинений по естественным наукам, астрономии, письму и книгопечатанию, а также из политических и «моральных» наук. Как замечал анонимный автор «Дамского журнала» ²⁹, сестры перевели и напечатали

весьма полезную для Натуральной Истории книгу [...] Профессор Озерецковский ³⁰ и многие другие из наших ученых естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость счастливому выбору переводчиц и хвалили самый перевод их, не затрудненный даже и при технических выражениях – науки, столь много замечательной, в особенности под пером женщины! ³¹

Чем был вызван выбор княжон Волконских: личным интересом, желанием угодить кому-то из родственников и друзей, случайностью – неизвестно. Однако, как заметил в 1874 г. писатель и историк Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) в книге «Русские женщины нового времени»: «Надо отдать честь этим девушкам, что их не остановила трудность такой работы, как перевод ученого и весьма капитального в то время сочинения» ³². Мордовцев счел необходимым добавить от себя несколько слов по поводу «ученой терминологии», которая

²⁷ См.: *Материалы об организации и проведении в Академии наук публичных лекций (1784–1796)* // Смагина. *Сподвижница Великой Екатерины...* С. 315–322.

²⁸ *Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств* / Составл. и пер. с франц. А. М. Волконской, Е. М. Волконской. Ч. 1–2. СПб., 1792.

²⁹ С большой долей вероятности можно предположить, что рубрику вел сам издатель журнала князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852).

³⁰ Естествоиспытатель, академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827).

³¹ Княжна Катерина Михайловна Волконская: *Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение)* // *Дамский журнал*. 1830. Т. 29. № 13. С. 197–198.

³² *Мордовцев Д. Л.* Замечательные исторические женщины 2-й пол. 18-го столетия: Репринт. Калининград, 1994. С. 179.

была несравненно менее установлена и выработана, чем в настоящее время: известно, как ученая терминология и теперь затрудняет наших современных переводчиков и переводчиц³³.

Автор «Дамского журнала» передал также слова, якобы сказанные по поводу работы сестер Волконских Д. И. Фонвизиним некоему приятелю:

Прочти перевод княжон Волконских; его скоро напечатают, и ты увидишь, что при изображении моей последней Софьи я еще весьма мало *задал* ей учености: наши Россиянки начали уже и сами знакомить нас с Бонетами³⁴ и Бюффонами³⁵.

Вообще, кажется, публикация перевода княжон Волконских не прошла незамеченной. По словам графа Дмитрия Ивановича Хвостова, приславшего некоторые дополнения и исправления в редакцию «Дамского журнала», перевод этот был показан княгине Дашковой, которая, в свою очередь, передала его императрице Екатерине II. Та пожелала познакомиться с переводчицами лично, и Дашкова представила ей их во время одного из Петергофских маскарадов. «Императрица изволила приласкать юных переводчиц пред всею публикою», – замечает Хвостов³⁶.

То, что научный перевод требует от переводчика не только свободного владения иностранным языком (что было в тот период вполне обычным для русской аристократки), но и понимания сути предмета, не вызывает сомнений. Чтобы создать перевод, вызвавший такие похвалы, сестры Волконские должны были иметь хоть какое-то естественнонаучное образование, хотя бы самое поверхностное. Поэтому можно предположить, что выбор объекта перевода был вызван их собственной заинтересованностью и любопытством. Хотя это, конечно, не больше чем предположение. Тем не менее здесь мы кажется впервые видим русских женщин, выступивших в печати с научным (научно-популярным) сочинением, пусть пока что только переводным. Но это уже значительный шаг вперед по сравнению с простым *чтением*.

Еще одно интересное для нас имя было обнаружено нами на страницах «Дамского журнала», в той же самой рубрике – «Материалы для истории русских женщин-авторов». Помимо сведений о писательницах, поэтессах и переводчицах, журнал поместил заметку о дочери известного прозаика и стихотворца, а также типографа Николая Еремеевича Струйского (1749–1796) Маргарите Николаевне Струйской. Как и другие дворянки, она пробовала свои силы в переводах, и в 1791 г. один из них увидел свет³⁷. Но не это привлекло наше внимание. Редактор «Дамского журнала» пишет о ней:

³³ Там же. С. 179.

³⁴ Видимо имеется в виду естествоиспытатель, философ, юрист, иностранный член Петербургской академии наук Шарль Бонне (1720–1793). Несколько его работ было опубликовано по-русски, например: «Созерцание природы» (Смоленск, 1804); «Физиологические начала о первой причине и действии оной» (СПб., 1805).

³⁵ Дамский журнал... С. 198.

³⁶ Дополнения к изданным материалам для истории Русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30. № 21. С. 121.

³⁷ Грегори Дж. Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным г. доктором Григорьем в Единбурге и переведенное Маргаритою [Николаевною] Стр[уйскою]. СПб., 1791.

разделяла литературные труды со своим родителем, не скучала его философическою жизнью и не редко препровождала с ним целые недели на *обсерватории* (курсив мой. – О. В.), устроенной тогда в их Пензенской вотчине ^{38, 39}.

Источник этих крайне интересных сведений нам установить, к сожалению, не удалось, так же как и найти какие-либо подробности.

Как ни странно, несмотря на скудость известных в настоящее время сведений о женщинах, имевших какое-то отношение к науке в конце XVIII в., в исторической литературе века XIX бытовало мнение, что подобные персонажи не только существовали, но и были распространены. Так, в 1895 г. писатель Владимир Осипович Михневич (1841–1899), посвятивший целую главу своей книги «Русская женщина XVIII столетия» «писательницам и ученым», заявлял:

В течение означенного периода мы встретим немало женщин-писательниц и даже ученых (курсив мой. – О. В.), но все они упражняются в сочинительстве, в науках и искусствах не по профессии, а исключительно, как «Любительницы»-дилетантки.

Михневич даже дал развернутую типологическую характеристику этих женщин:

Это все хорошо обеспеченные барыни, прекрасно образованные, начитанные, нередко талантливые, исполненные искренней любви к науке (курсив мой. – О. В.), к литературе и искусству, но занятия сими последними – для них не более, как забава, развлечение или предмет суетного тщеславия. Тут нет места ни системе, ни серьезным целям, ни сознанию общественного долга, как не может быть им места во всякой личной, хотя бы и очень изящной и остроумной прихоти. Оттого-то так тощи и ничтожны в итоге плоды умственно-художественной производительности русской образованной женщины за времена минувшие ⁴⁰.

На чем основывалось это мнение не совсем понятно, поскольку Михневич не называет *ни одного* имени женщины-ученой, кроме, конечно, Е. Р. Дашковой.

Однако существует свидетельство, которое может служить косвенным доказательством его правоты. В 1793 г. журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал любопытную статью Гартига, переведенную с французского на русский язык Михаилом Вышеславцевым, под названием: «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках». Автор подробно рассматривает способность или неспособность женщин к занятию различными науками и искусствами, приводя в пример знаменитых европейских дам, прославившихся своими познаниями или даже заслугами в науке, и приходит к выводу, что никаких препятствий, обусловленных «природой» женщины, для ученых занятий не существует. Он пишет: «каковы б ни были [...] препятствия, сей род наук (имеются в виду

³⁸ Село Рузаевка Пензенской губернии Инсарского уезда.

³⁹ Маргарита Николаевна Струйская // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197.

⁴⁰ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990 (репринтное издание, 1895 г.) С. 243.

“отвлеченные понятия”, требующие тщательного изучения и логического мышления. – О. В.) соразмерен разуму женщин; многие с успехом упражнялись в них». И добавляет:

Во всех веках были женщины, которые с успехом упражнялись в самых трудных науках; оне умели преодолеть своим мужеством и проницанием все препятствия, которые природа по видимому противоположила им только, чтобы сделать торжество их гораздо блистательнее. Что касается до тех познаний, которые зависят от памяти, то я не вижу причины, которая бы препятствовала женщинам быть к оным способными; способность содержать в памяти понятия, им столько ж свойственна, как и нам; и если мы внимательно о сем рассудим, то может быть выгода будет еще на их стороне ⁴¹.

Таким образом единственное, что служит, по мнению автора статьи, помехой и преградой, мешающей женщинам заниматься наукой, – существующие в обществе предрассудки. Почему же женщины не наслаждаются «благополучием», которое приносит, по утверждению философов, занятие науками, спрашивает автор? «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» – задает он вопрос. И сам же отвечает:

Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных ⁴².

Далее автор приводит различные доводы, стремясь убедить женщин в том, что занятие науками может быть им очень приятно и полезно, объясняя, почему невежество превращает всю их жизнь в «цепь огорчений и страданий». Не довольствуясь собственными доводами, он призывает на помощь древних, в том числе Плутарха и Цицерона, цитируя знаменитое высказывание последнего о пользе наук:

Науки, говорит Римской Оратор, образуют юношество, и составляют утеху зрелого возраста; щастие украшается ими, нещастие получает от них облегчение; в своем доме, в домах чужих, в путешествиях, в уединении, всегда и везде оне составляют сладость нашей жизни ⁴³.

Высказывание это к 1793 г. уже хорошо известно в России и существует на русском языке, включенное М. В. Ломоносовым в его знаменитую Оду «На день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» «Науки юношей питают...». И по замечательному совпадению М. В. Ломоносов в свое время также адресовал

⁴¹ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / Пер. с франц. Михайло Вышеславцева // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 55, 57–58.

⁴² Там же. С. 63–64.

⁴³ Там же. С. 66–67.

эти слова женщине, хотя, конечно, не столько призывая ее заняться наукой лично, сколько убеждая в необходимости высочайшего *покровительства* наукам и ученым. Впрочем, автор статьи 1793 г. не предлагает женщинам *профессиональное* занятие наукой, поскольку, по его мнению, это приносит мало радости:

судьба упражняющихся в науках для славы, видеть себя в печати, и предавать мысли свои потомству, по истине не есть самая щастливая. Слава их почти всегда отравляется ядом ненависти. Судьба простаго и безкорыстного любителя подлинно предпочтительнее ⁴⁴.

И взывая на этот раз к авторитету Вольтера, продолжает:

Г. Волтер говорит, что один есть судия (т. е. любитель. – О. В.), а другой подсудимый (т. е. профессионал. – О. В.): я предлагаю женщинам судьбу первого; она лучше б была скучной праздности. Какое удовольствие может для них быть больше сего удовольствия, когда оне умеют отличать те красоты, которых непосвященные не могут видеть, и которых приятное впечатление есть сокровище для тех, кои способны к принятию онаго!

«О когда б все вы могли познать сие благополучие! Сколь приятны были б тогда для вашего вкуса те творения, в которых разум изливает нежнейшие лучи свои!», – восклицает он ⁴⁵.

Завершается статья пылким, можно сказать, пламенным призывом к женщинам заниматься наукой:

Прелестной и столь часто обманываемый пол, таков плод просвещения! Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках; они будут составлять ваше отдохновение и вашу подпору; предохранят вас от скуки и от прельщения; соделают сердце ваше твердейшим, а разум основательнейшим; самая любовь найдет в них новыя удовольствия. Разум подкрепит ваши прелести, и когда, достигнув тех лет, в которых время пожинает их, вы будете ежедневно видеть разрушение ваше, когда останется вам одно печальное воспоминание того, что вы были; то укрываясь в их объятия, вы можете ополчиться против самой старости. Они подадут вам силу сносить мужественно лишение красоты вашей, и доставят вам удовольствия, которые никогда не кончатся, разве с вашею жизнью. Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет. А вы, которые преступили пределы, в коих вас содержали, вы, которых число к сожалению весьма ограничено, не устрашайтесь усилий невежества; будьте довольны одобрением существ мыслящих, и сохраняйте для себя способ которой некогда зделает вас младыми в глазах самых хулителей ваших ⁴⁶.

К сожалению, пока не удалось определить, кем был господин Гартиг, подлинное ли это имя или только псевдоним, скрывший... кого? Может быть, одну из тех женщин-ученых, любительниц наук, о которых писал Михневич? В любом случае, статья вряд ли появилась на «пустом месте». Она свидетель-

⁴⁴ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / Пер. с франц. Михайло Вышеславцева // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 67–68.

⁴⁵ Там же. С. 68.

⁴⁶ Там же. С. 70–72.

ствуется о том, что в образованной части российского общества подобные проблемы обсуждались, вызывали споры, что идея о необходимости женского просвещения и «занятия науками» не только была произнесена вслух, но обрела своих защитников и противников. Она также может свидетельствовать о наличии в этот период некоторого количества «женщин-ученых», достаточного для того, чтобы вызвать общественный интерес и общественную дискуссию. Если бы их вообще не было, как иногда представляется нам сегодня, то и обсуждать было бы нечего.

* * *

Можно предположить, что пламенный призыв, прозвучавший в журнале, не пропал даром. Во всяком случае уже среди представительниц следующего поколения россиянок, родившихся в конце XVIII в., чья активная деятельность пришлось на первую половину века XIX, нашлись не только *читательницы* научных книг, но и *авторы*, а также те, чей интерес к наукам был известен в обществе. Изучение литературных и мемуарных источников выявляет женщин этого времени, не только интересовавшихся исследованием природы, но и пользовавшихся в той или иной степени признанием научного сообщества. Однако тем, кто последовал совету Гартига и увлекся «науками», пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями, поскольку цели, стремиться к которым журналисты и писатели начали призывать их, с начала XIX в. сильно изменились. Так, в самом первом номере журнала «Вестник Европы» (1802) опубликована статья господина Л. «Портрет милой женщины», в которой изображен идеальный женский образ, достойный, по мнению автора, глубочайшего уважения. Какова она, это идеальная женщина? Конечно не красавица, хотя, безусловно мила:

...ум ее не столько блестящ, сколько тонок и основателен; однако ж довольно жив, приятен и способен к острым ответам; но все это покрывается беспримерною скромностью, и цену ее могут чувствовать только те, которые коротко с нею знакомы⁴⁷.

Она любит романы и хорошо знакома с европейской литературой, прежде всего с французской поэзией, а также литературой нравоучительной и относящейся к воспитанию. Она, конечно, никогда не позволяла себе «упражняться в авторстве», но «ее письма, украшенные легким слогом, исполненные чувствительности, Философии, могли бы занять место в лучших Романах»⁴⁸. Разумеется, она набожна. Эта важная добродетель развила в ней и многие другие:

...слепую покорность к Провидению, спокойное ожидание неминуемого всем предела, великодушную крепость в печалях и кроткое, снисходительное, родственное, так сказать, обращение даже и с служащими ей [...] Я не знаю, кто б скромнее ее был в обществе, – продолжает автор, – она всякому позволит быть довольным самим собою; не оскорбит ни чьего самолюбия; молодой и старой, важная барыня и милая ветреница, все будут глядеть на нее ласково, и все скажут в один голос: *какая добрая!*⁴⁹

⁴⁷ Л. Портрет милой женщины // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1. С. 56.

⁴⁸ Там же. С. 56.

⁴⁹ Там же. С. 57.

Она выйдет замуж без любви, «не по выбору сердца, но покорствуя обстоятельствам». Она так и не сможет полюбить мужа, но это не обескуражит ее и не приведет в отчаяние. Что она станет делать? Ответ прост. Она

приучила себя видеть в супруге своем не Грандиссона, но мужа, необходимого товарища; начала применяться к его обычаю, и ни в чем ему не противоречила; оставила для него прежние свои связи, любимые свои упражнения – словом: отказалась от собственных склонностей, вкусов, желаний; – одна только воля стала пружиной всех ее действий⁵⁰.

При всем при том она всегда была и всегда оставалась оптимисткой: «Какая бы ни случилась ей неприятность, задумается... И всегда скажет потом: “может быть это к лучшему!”»⁵¹. Завершая статью, автор говорит, что и хотел бы, но не может найти в своей героине никаких недостатков. Подобная дама несмотря на весь свой ум и некоторые познания в литературе и философии, конечно, могла бы заниматься науками только если это было бы угодно (полезно) ее супругу, поскольку она, как можно предположить, должна быть счастлива только счастьем своего мужа. Хотя... постойте. О ее счастье речь вообще-то не идет. Какой разительный контраст со статьей Гартига, увидевшей свет всего девятью годами ранее.

Однако «Вестник Европы» тверд в своих предпочтениях. Всего через несколько номеров он публикует перевод произведения французской писательницы графини де Жанлис⁵² «Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис», повествующей о печальной судьбе женщины, дерзнувшей стать «автором» и публиковать свои сочинения⁵³. По мнению автора, выступив в печати, осмелившись не только писать, но и публиковать написанное, женщина рискует потерять не только уважение общества (что крайне неприятно само по себе), но и самое главное и важное в своей жизни – семью. Ведь любую общественную, направленную во вне, деятельность женщины ее супруг совершенно справедливо может счесть изменой, поскольку он привык к тому, что она сама, ее время, мысли и внимание принадлежат ему безраздельно. Семья же и любовь близких априори настолько важны для женщины, что стоят отказа от любых собственных увлечений и желаний.

Как это отличается не только от статьи господина Гартига 1793 г., но и от поведения Екатерины II, публично «приласкавшей» в 1792 г. княжон Волконских, переводчиц естественнонаучного сочинения. Причем Волконские не были единственными дамами, поощренными императрицей, если говорить о женщинах-писательницах и переводчицах вообще, а не только об интересовавшихся естественной историей. Однако век Екатерины, не затруднившейся назначить княгиню Дашкову директором Петербургской академии наук, уходил в прошлое. Похоже, возвращалась старая концепция «подобного» образа жизни женщины, состоявшая из двух равно значимых компонентов: скромности и семьи. И поддерживалась она в самых высших эшелонах власти.

⁵⁰ Л. Портрет милой женщины // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1. С. 58–59.

⁵¹ Там же. С. 59.

⁵² Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис (*Stéphanie-Félicité Ducrest de Saint-Aubin, comtesse de Genlis*) (1746–1830).

⁵³ Жанлис, де. Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 245–284; Ч. 6. № 21. С. 3–28.

Описывая свое пребывание в Петербурге в июле 1802 г. Дашкова с возмущением писала:

Каково было мое негодование, когда я услышала, что лица, окружавшие государя и обыкновенно враждовавшие между собой, однако в один голос поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей ⁵⁴.

По ее словам, она при малейшей возможности высказывалась «по поводу проповедуемых новых доктрин». Одна из подобных речей стала «темой всех разговоров в городе», – писала Дашкова и добавляла: «Я нашла, что Петербург сильно изменился со времени императрицы» ⁵⁵. Можно представить, что критика деяний императрицы легко переходила в критику поведения женщин вообще. И наоборот: действительные и мнимые промахи Екатерины II объяснялись ее «женской природой». При подобной интерпретации событий «Вестник Европы» выступает как глашатай новой идеологии. Идеи, высказанные в 1802 г. на его страницах, становятся официальной точкой зрения по вопросу о месте и роли женщины в жизни и повторяются многократно вплоть до 1917 г. как официальными лицами, в том числе в речах и законодательных актах, так и частными сторонниками.

К 20-м гг. XIX в. (а возможно, что и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобретает некоторый неодобрительный оттенок. Как будто соединение этих слов означает нечто стыдное, что-то, чего следует избегать по мере сил, а уж если не удалось избежать, то скрывать от окружающих. Так, например, филолог-лингвист барон Адольф-Андре Мериан ⁵⁶, постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792–1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение общества, писал ей предположительно в 1825 г.:

Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения *ученой женщины*, оставьте его дурнушкам – но на него Вам укажут при первой же возможности; [храни Вас] от этого *бесцветного вздора*, который тем хуже, чем более завыывает видимого расположения, которое на деле ничего не значит. Не будьте ученой, пусть ученые будут в Вашем распоряжении, поощряйте их в создании трудов для Вас и обогащайте свой вкус и редкую восприимчивость сокровищами, которыми они Вас одарят. Ничто не мешает Вам оставаться юной, прекрасной, в высшей степени любезной – и в то же время быть *покровительницей новой системы*, которая образовывается и распространяется, или, вероятнее, *всего древнего*, что поднимается из бездны [...] Вы будете богиней истины и простоты... – она пренебрегла Олимпом. Специально для тех, кто не желает, чтобы княгиня занималась филологией ⁵⁷.

⁵⁴ Дашкова. Записки... С. 205–206.

⁵⁵ Там же. С. 206.

⁵⁶ André Merian (1772–1828). Краткую информацию о нем см.: Цявловский М. Пушкин по документам архива М. П. Погодина // Литературное наследство. 1934. Т. 16–18: [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. С. 690.

⁵⁷ Цит. по: Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005. С. 23–24.

Таким образом даже благожелательно относящийся к образованной и увлеченной научными предметами женщине человек предостерегает ее от звания «ученой».

В первой четверти XIX в. неодобрительные и насмешливые упоминания об «ученых женщинах» начинают мелькать не только в частных письмах, но и в художественной литературе, и публицистике. В феврале – октябре 1824 г. А. С. Пушкин работает над третьей главой «Евгения Онегина», содержащей знаменитую XXVIII строфу:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!

Некоторые филологи, в том числе Н. В. Забабурова, предполагают, что в ней Пушкин изобразил княгиню Е. И. Голицыну, с которой был хорошо знаком, в салоне которой неоднократно бывал и которой посвятил знаменитое стихотворение 1817 г.: «Краев чужих неопытный любитель...»⁵⁸

«Ночная звезда» петербургского высшего света, княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780–1850), была известна своим интересом к наукам. Рано осиротевшая дочь Ивана Михайловича Измайлова (1724–1787), сенатора, действительного тайного советника и Александры Борисовны Измайловой, урожденной княжны Юсуповой (1744–1791), она воспитывалась в доме своего дяди, московского генерал-губернатора Михаила Михайловича Измайлова (1719–1800), где, по утверждениям биографов, «получила разностороннее образование»⁵⁹. Ее оказавшийся неудачным брак с князем Сергеем Михайловичем Голицыным (1774–1859), сказочно богатым, однако малопривлекательным внешне и неумным, был устроен лично императором Павлом I. Он продлился недолго и завершился вместе с кончиной Павла I: узнав об этом событии, княгиня заявила своему супругу, что впредь собирается жить отдельно от него. Поселившись в Петербурге на Миллионной улице, она стала хозяйкой одного из самых знаменитых и престижных светских салонов своего времени. Современники запомнили ее как женщину удивительной красоты, обладательницу прекрасного вкуса⁶⁰, позволявшую себе некоторую эксцентричность поведения, никогда, впрочем, не переступавшую границ приличий. Предпочитавшую вести ночной образ жизни княгиню с восхищением называли «*Princesse Nocturne*» или «*Princesse Minuit*» («Принцесса ночи»). Например, в 1818 г. К. Н. Батюшков писал одному из братьев Тургеневых:

Вы счастливее других, не потому ли, может быть, что трудно кому-нибудь превзойти вас в доброте, точно так как княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну, в красоте и приятности. Вы оба никогда не состаритесь: вы душою, она лицом. Это не я говорю: Жуковский...⁶¹

⁵⁸ Забабурова Н. Ночная княгиня // <http://www.relga.rsu.ru/n24/cult24.htm>

⁵⁹ Чулков Н. Галицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь. [Неопубликованные материалы]. Т. 2. М., 1997. С. 213.

⁶⁰ См., например, воспоминания П. А. Вяземского: Вяземский П. А. Из старой записной книжки // Русский архив. 1872. Кн. 1. № 6.

⁶¹ Константин Николаевич Батюшков. Его письма и очерки его жизни // Русский архив. 1867. Т. 1. С. 1510.

Салон Голицыной был преимущественно политический и литературный, но не только. Помимо людей светских, литераторов, политиков и пр. в нем бывали: математик, академик Петербургской академии наук Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861), профессор Московского университета, также математик, Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866), известный инженер в чине генерала Морис Дестрем (Moris Destrem, 1787–1855), профессор и директор Института путей сообщения, генерал-лейтенант Пьер-Доминик Базен (Pierre-Dominique Bazaine, 1783–1838). Как отмечал оставшийся анонимным биограф Голицыной: «Не только пламенная душа великого поэта находила для себя живительную среду в обществе княгини Евдокии Ивановны, но и строгие ученые того времени», – добавляя, что академик Остроградский – «кажется, был любимым ее собеседником»⁶².

Как бы это ни казалось странным окружающим, но светская красавица была искренне увлечена науками и, прежде всего, философией и математикой. П. А. Вяземский заметил не без язвительности по этому поводу:

...позднее и в последние годы жизни своей княгиня пустилась в высшую математику, соединенную с еще высшею метафизикою. Эти занятия признавала она каким-то наитием свыше. Она никогда к ним не готовилась и разрешала многотрудные задачи, так сказать, бессознательно и неведомо от себя⁶³.

Хотя справедливости ради следует отметить, что тот же Вяземский несколько ранее писал о ней нечто прямо противоположенное:

Счастливы! Вы сидите у княгини Голицыной, слушаете ее мысли и чувства, и слышите ее голос [...] Сделай одолжение, скажи ей мое почтение и еще что-нибудь такое, которое живее почтения и рассудительнее любви. Я в ее беседе провел часы из приятнейших и счастливейших в жизни моей⁶⁴.

В 1835 г. в Петербурге Голицына опубликовала книгу под названием *De l'analyse de la force* («Анализ силы») ⁶⁵. По форме она представляла собой изложение бесед, которые автор на протяжении некоторого времени вела с генералом Базеном, академиком Остроградским и профессором Брашманом. Предметом исследования являлись «Закон или *Сила* как начало созданного закона»; язык книги не был математическим, о чем сама она писала:

Мой язык не математический, но он выражает идею математическую, и, как я уверена, столь определенно, что могу отдать отчет в каждой моей фразе. Может быть то, что мне кажется очень ясным, не будет ясно для тех, которые не знают предшествующего. Но после полного развития сочинения, все увидят, как строги условия моих выводов⁶⁶.

⁶² С. Д. Княгиня Е. И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 157.

⁶³ Вяземский. Из старой записной книжки... С. 177.

⁶⁴ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову. Варшава, 28 июня (1818) // Русский архив. 1879. Т. 1. С. 510.

⁶⁵ Galitzine, E. *De l'analyse de la force*. 1-ère partie du 1-er livre. St.-Petersburg, 1835. Это издание нам, к сожалению, обнаружить не удалось. В Российской государственной библиотеке находится вторая часть книги, изданная в 1837 г.: Galitzine, E. *De l'analyse de la force*. 2e partie. St.-Petersburg, 1837.

⁶⁶ Цит. по: *De l'analyse de la force*, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 72.

Книга не прошла незамеченной. Рецензия на нее, содержащая пространные выписки из самого сочинения, появилась на страницах «Библиотеки для чтения» вскоре после выхода в свет второй части работы в 1837 г. В целом она носила вполне благожелательный характер. После достаточно подробного изложения содержания (лишенного признаков иронии или язвительности, которые мы встретили у Вяземского), рецензент писал:

Весьма приятно и лестно для всех соотечественников сочинительницы видеть Русскую даму, которая говорит столь высоким философским языком. Только самая черная зависть может клеветать на нас, будто бы не любим философии: когда философия так умна, и вместе с тем так любезна, мы – первые ее поклонники, и как скоро выйдет окончание «Анализа Силы», непременно передадим нашим читателям вполне и *con amore*⁶⁷ сущность этого замечательного подвига мышления⁶⁸.

В течение нескольких лет книга являлась предметом обсуждения в литературных салонах, во всяком случае, в присутствии самой княгини. Подробное описание одной из таких бесед, имевшей место в 1843 г. в Москве, было опубликовано тогда же в журнале «Москвитянин» известным литератором Федором Николаевичем Глинкой (1786–1880). Прежде чем приступить непосредственно к описанию ученой беседы, автор счел нужным сказать несколько слов о самой Голицыной, которые нам кажется уместным привести здесь:

Занимаясь с давнего времени и с редким постоянством, трудом обширным и важным, любознательная соотечественница наша охотно беседует везде, где может, с людьми, имеющими значение в ученом мире. В С.-Петербурге любимым собеседником ее бывал г. Остроградский, человек гениальный, высоко-стоящий между всеми учеными знаменитостями Европы. И здесь, в Москве, не раз приглашала она к себе людей, занимающихся науками (преимущественно Математикой в высшем ее значении), мышлением, словесностью. В один вечер застал я у нее некоторых московских ученых и литераторов, и был свидетелем разговора, во многих отношениях замечательного. В этот раз княгиня обнаружила такой, собственно ей принадлежащий, взгляд *на вещи*, который не может не показаться чрезвычайно *новым* и вместе с тем *справедливым* по глубокомысленным выводам, которыми она старалась и умела оправдывать свои умозрительные *положения*⁶⁹.

Начав изложение беседы с краткого содержания самой книги, Глинка далее писал:

⁶⁷ С любовью (*итал.*).

⁶⁸ L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine, née Izmaïloff. St.-Petersbourg, chez Hintze, 1837. 8-vo. P. VI et 12 // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 74.

⁶⁹ Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Часть VI. № 12. С. 538. Следует отметить, что И. Г. Зенкевич в работе «Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках)» ошибочно приписывает приведенные здесь нами слова Ф. Глинки академику М. В. Остроградскому, не ссылаясь при этом на источник своей информации. См.: Зенкевич И. Г. Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках). Брянск, 1968. С. 24.

Княгиня Е. И. Голицына, в сочинении своем, занимается раскрытием и определением сил и начал. Расчерпывая природу на самой глубине ее, сочинительница желает высмотреть тайну сил, действующих в составе мирового здания ⁷⁰.

Все изложение научного разговора сиятельных собеседников выдержано не просто в серьезном или одобрительном тоне, а, скорее, даже в подобострастном. Однако можно предположить, что истоки этой подобострастности кроются в высоком общественном положении и значительном состоянии княгини, а не в научной значимости ее работы. Именно на это намекает в своих записках Вяземский ⁷¹.

Тем не менее книга, по-видимому, вызвала некоторый интерес и среди научного сообщества. По сведениям анонимного биографа Голицыной, уже упоминавшегося нами выше, математик, академик В. Я. Буняковский (1804–1889) написал официальный отзыв на работу, предварительно не только прочитав ее, но и обсудив с автором, возможно даже на заседании Академической конференции. Приведенная в опубликованной биографии цитата из рецензии Буняковского лишена и восторженности, и подобострастности обеих, упомянутых нами, журнальных рецензий. Он писал:

Голицына барыня умная, но в сочинениях своих, к сожалению, не обнаруживает ничего математического. Мне предписано было рассмотреть ее сочинение и сделать сообщение. Я поставил Евдокии Ивановне два вопроса, на которые она не сумела дать ответа. Это занесено было в протокол, и математика не обогатилась новыми идеями. Сказать правду, я удручил ей такими вопросами, на которые, уверен был, что она не ответит, потому что барыняхватила через край ⁷².

Однако подобная суровая оценка ученого мужа не смутила княгиню, и в 1844 г. в Париже она выпустила в свет второе издание своей работы ⁷³. Вообще же, если данное сообщение истинно, то вполне возможно, мы имеем здесь сведения о *первом* в истории Петербургской академии наук обсуждении научного сочинения *женщины*.

Но вернемся к XXVIII строфе «Онегина». Ю. М. Лотман полагал, что в данном отрывке речь идет не о Голицыной, а о поэтессе Анне Петровне Буниной (1774–1828) ⁷⁴. Примерная ровесница Евдокии Ивановны, Бунина, также была известна в обществе своим интересом к наукам и эксцентричностью поведения. Принадлежа по рождению к одному из древнейших российских дворянских родов, она рано осталась сиротой, все детство жила в деревне, не получив никакого образования, кроме самого элементарного. Однако по достижении совершеннолетия, получив доступ к завещанному отцом состоянию, она в 1802 г. переехала в Петербург и потратила практически все имевшиеся у нее деньги на учителей:

⁷⁰ Там же. С. 538.

⁷¹ Вяземский. Из старой записной книжки... С. 177.

⁷² Цит. по: С. Д. Княгиня Е. И. Голицына... С. 158.

⁷³ Galitzine, E. De l'analyse de la force / 2e édition, Paris, 1844; 1845.

⁷⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

...стала изучать английский, французский, немецкий языки, *физику, математику* (курсив мой. – О. В.), П. И. Соколов, известный профессор филологии⁷⁵, преподавал ей литературу так же как и Борис Бланк⁷⁶, ее племянник и коллега-поэт⁷⁷.

По сведениями близкого друга ее племянников Эразма Ивановича Стогова (1797–1880), историка Сибири и автора воспоминаний, это стремление учиться не покинуло ее и в последующие годы. Стогов пишет: «Могу засвидетельствовать, что она не переставала учиться. Русской словесности учил ее мой корпусный учитель Гроздов; училась английскому языку»⁷⁸. Деньги, однако, вскоре закончились, и Бунина осталась без средств к существованию. Всю оставшуюся жизнь она пыталась зарабатывать писательским и поэтическим трудом, переводами и т. п. Ей приходилось полагаться на милость родственников, а также на помощь друзей, хлопотавших при дворе о пособии для нее: «Анна Петровна Бунина – десятая муза, как тогда ее звали, жила весьма скромно, кажется только пенсиями ото всех особ царствующего дома», – писал Стогов⁷⁹. Она постоянно нуждалась в средствах, но, кажется, никогда не сожалела о своем эксцентричном поступке, так же как и том, что не вышла замуж. Конечно, многим ее современникам трудно было счесть разумным подобное поведение. Несмотря на это Бунина пользовалась успехом в свете,

⁷⁵ Петр Иванович Соколов (1764–1835), писатель и журналист; с 1793 г. – член Российской академии, с 1802 г. – ее непременный секретарь; с 1819 г. – библиотекарь Петербургской академии наук. А. П. Бунина не была единственной ученицей П. И. Соколова. Например, он преподавал русский язык и литературу будущему поэту и декабристу, князю А. И. Одоевскому (1802–1839). Вот что пишет биограф этого последнего, И. А. Кубасов:

П. И. Соколов, – человек, если и не отличавшийся даровитостью, то обладавший солидными знаниями и языка и литературы, в своем роде человек универсальный и начитанный; без сомнения, он мог научить Одоевского языку и вообще дать немало разносторонних познаний; Одоевский писал безукоризненно грамотно и излагал свои мысли на русском языке не хуже, чем на французском, которым владел блестяще.

(Кубасов И. А. А. И. Одоевский (Биографический очерк) // Одоевский А. И. Стихотворения и письма. Воспоминания об А. И. Одоевском. М., 2003. С. 12.).

⁷⁶ Борис Карлович Бланк (1769–1826), поэт. В 1930 г. К. Я. Грот говорил о нем, делая доклад в Обществе древней письменности: «Борис Карлович, был небызывестным, очень плодовитым, “неистощимым”, как его прозывали, но довольно бесталанным стихотворцем уже вырождавшейся сентиментальной школы: он был всего на 5 лет старше А. П. [Буниной], но, конечно, мог быть ее руководителем в литературных сферах». (Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина. (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm (ПБ филиал Архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128, 129, 137–186).

⁷⁷ Dictionary of Russian Women Writers / Edited by M. Ledkovsky, C. Rosental, M. Zirin. London, 1994. P. 108.

⁷⁸ Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания Эразма Стогова. VI: П. Н. Семенов и А. П. Бунина // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1879. Т. 24. № 1–4. С. 52.

⁷⁹ Стогов. Очерки, рассказы и воспоминания... С. 51.

бывала при дворе и, кажется, не ощущала никакой неловкости в своем положении:

Анна Петровна Бунина была любимой гостьей в высшей аристократии Петербурга, – пишет Э. Стогов. – В те дома, в которых я бывал часто с теткою (как он ее называл. – О. В.), гардемарином и офицером, и был как свой в семействах, возвратясь из Камчатки штаб-офицером, но без тетки, я не попал и в прихожую⁸⁰.

Мы не располагаем информацией о том, сохранился ли ее юношеский интерес к физике и математике в более зрелом возрасте. Тем не менее она серьезно и профессионально занималась литературой, в том числе и теорией литературы. Так, в 1808 г. Бунина перевела с французского и опубликовала работу аббата Шарля Баттё (1713–1780) «Правила поэзии», добавив к ней сведения о российском стихосложении⁸¹, бесповоротно заслужив звание «ученой».

Не вступая в дискуссию с профессиональными мнениями филологов (хоть и столь различными), рискнем все же предположить, что в упомянутой строфе Пушкин мог создать *собирательный* образ светской дамы, интересы которой простирались дальше нарядов, сплетен и балов. Будучи знакомым и с Е. И. Голицыной, и с А. П. Буниной, конечно зная о З. А. Волконской (если к этому моменту еще не был с ней знаком лично), о А. А. Турчаниновой, да почти наверное и о других, поэт зафиксировал явление, видимо еще новое для российского общества, но несомненно уже присутствовавшее в его жизни и обращавшее на себя внимание окружающих – появление «ученой дамы». В его стихах отразилось этакое скептически насмешливое отношение общества к богатым, прекрасно образованным светским красавицам, пожелавшим выйти из образа дамы, чье главное предназначение – служить изысканным украшением гостиной. Это к ним можно отнести высказывание Михневича, объяснявшего полное, на его взгляд, отсутствие литературных «памятников нерукотворных», созданных российскими женщинами, следующим образом:

Это [...] следует объяснить не недостатком талантливости и умственного развития в среде образованных русских женщин минувшего столетия, а тем, что женщинам даровитым, умным и развитым, которые могли бы, при других условиях, прославить свои имена плодотворной творческой деятельностью, совершенно чужда была тогда сама идея женского профессионального труда на каком бы ни было поприще и всего более – на научно-литературном. Вследствие этого, дарования и знания либо заглушались в выдающихся, богато одаренных природой женских натурах суетной светской жизнью, либо растрачивались на дилетантские пустяки⁸².

И в этом жестком и хлестком высказывании, как нам кажется, есть доля истины. Сама обстановка жизни светской дамы – безусловно модной красавицы и души литературного и светского салона, изысканной, блестящей и

⁸⁰ Там же. С. 52.

⁸¹ Баттё Ш. Правила поэзии. Сокр. пер. аббата Баттё. С присовокуплением российского стопосложения. СПб., 1808.

⁸² Михневич. Русская женщина XVIII столетия... С. 244.

безупречной – придавала ей в глазах окружающих оттенок некоторой поверхностности, несерьезности. Ее повседневную жизнь сковывали десятки неписанных, но тем не менее жестких правил поведения, пренебрежение которыми могло дорого обойтись.

И тем не менее именно среди русских аристократок (преимущественно титулованных) в первой половине XIX в. появляется интерес к науке, возможно поверхностный, но при этом декларируемый открыто. Они не просто приглашают в свои салоны ученых и слушают их речи, поощряя рассказчика доброжелательной улыбкой. Нет. Они не стесняются высказывать собственное мнение по предметам очень специальным. Они заходят даже так далеко, что публикуют свои собственные книги, и не романтические повести или печальные стихи, к которым общество сумело уже как-то привыкнуть, а философские и математические размышления. Привыкнув к созданному самим обществом образу «прекрасных и всевластных королев», они осмеливаются дискутировать с академиками, совершенно не желая понимать, что их власть заканчивается за дверью их гостиной. Неудивительно, что подобное поведение встречается с неодобрением, что титул «ученой дамы», еще такой новый, приобретает презрительный и пренебрежительный оттенок. Неудивительно, что ученые мужи рекомендуют своим сиятельным патронессам избегать этого прозвания.

Не все, однако, благородные женщины, интересовавшиеся столь необычными предметами, спешили афишировать свои интересы, представляя их на суд общества. Ограничивая повседневную жизнь семьей, занятые ведением хозяйства и детьми, они не часто (если вообще когда-либо) появлялись в свете, и не оставили нам никакого научного наследия помимо высокообразованных детей и внуков. Эти последние, в свою очередь, сохранили для нас воспоминания о своих необычных родственницах. Например, именно так описывает свою мать Софью Гавриловну Бибикову (1787–1856) Екатерина Ивановна Раевская (1817–1899)⁸³. Как нам теперь кажется, внимательное изучение мемуарных источников могло бы выявить немало подобных примеров.

* * *

Завершая наше краткое исследование, которое можно с полным правом считать всего лишь предварительным, следует отметить, что женщины, искренне и глубоко интересовавшиеся естественными науками (и оставившие в них свой след, будь то собранные естественно-научные коллекции, переводы иностранных научных книг или даже собственные сочинения), существовали в России уже с конца XVIII в. (если не ранее). Отношение к ним общества менялось на протяжении этого периода, но в целом, особенно с начала XIX в. носило скептический, насмешливый и отрицательный характер. Подобное суждение продиктовало несколько паттернов поведения, в которые обычно вливалось увлечение женщины естественными науками. Высокопоставленные дамы, либо незамужние, либо по каким-то причинам жившие отдельно от своих мужей или вдовы могли позволить себе эпатировать общество своими необычными увлечениями. Общество, в свою очередь, иногда принимало подоб-

⁸³ Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. Ноябрь; Декабрь.

ное поведение, в качестве занимательной диковины, иногда находило скучным и всегда – странным. Замужние же дамы вынуждены были скрывать свои занятия науками от всех, кроме узкого круга родственников, как правило, не оставив таким образом *непосредственных* следов в истории науки.

Тем не менее среди представительниц аристократических российских семей первой половины XIX в. мы встречаем и таких, чьи занятия естественными науками носили несравнимо более серьезный, систематический характер и заслужили искреннее уважение со стороны членов научного сообщества. В основном они – младшие современницы женщин, описанных нами выше. Елена Павловна Фадеева (1789–1860) – одна из них. Урожденная княжна Долгорукая, всю жизнь посвятившая естествознанию и, прежде всего, ботанике; в совершенстве владевшая пятью иностранными языками (включая латынь); состоявшая в переписке с крупнейшими как отечественными, так и зарубежными учеными своего времени⁸⁴; собравшая целый ряд потрясающе интересных естественно-научных коллекций, переданных затем в дар различным научным обществам и университетам; составившая более 50 альбомов рисунков флоры Кавказа и Закавказья, а также других регионов, в которых ей приводилось жить. Фадеева была признанным членом международного научного сообщества. Ее глубокие и разносторонние познания удивляли как современников, так и потомков. Как написала одна из ее внучек, известная детская писательница В. П. Желиховская:

Она и в свое, более сильное и деловитое, время была каким-то многосторонним колоссом знаний и практически-благотворной деятельности! Каким-то анахронизмом, более подходившем к периоду титанов, если бы только заменить физические рост и силу древних великанов – мощью духовною и неустанною деятельностью⁸⁵.

Нам кажется, что Елену Павловну Фадееву безо всяких сомнений можно назвать *профессиональным ученым*, если понимать под этим определением человека, вполне владеющего профессиональными навыками, посвящающего большую часть своего времени избранному делу и пользующемуся признанием коллег⁸⁶.

⁸⁴ Среди ее корреспондентов, например, были: президент Лондонского географического общества Родерик Мурчинсон, геолог, палеонтолог и путешественник Филипп-Эдуард Вернель, путешественник Игнас Гомер-де-Гель, назвавший в ее честь одну из ископаемых раковин (*Venus Fadiefei*), геолог Г. В. Абих, натуралист Г. С. Карелин, академики К. М. Бэр и Х. Х. Стевен и др.

⁸⁵ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1887. Март. С. 765.

⁸⁶ Подробнее о Е. П. Фадеевой см.: Валькова О. А. Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96.